

DOI: 10.15372/HSS20180307
УДК 821.161.1+930.85

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИДЕРА РЕЛИГИОЗНОГО СООБЩЕСТВА В СОЧИНЕНИЯХ АНДРЕЯ ДЕНИСОВА*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена изучению роли Андрея Денисова в организации крупнейшего старообрядческого центра на Выге. Впервые рассматриваются способы позиционирования руководителя старообрядческого движения. В первой четверти XVIII в. Андрей Денисов был идейным лидером старообрядческого движения, наиболее последовательно противостоявшего тенденциям вестернизации, которые были характерны для России того времени. Богатое рукописное наследие выговского «вожака» вошло в состав книжности старообрядцев разных согласий и на протяжении веков занимало там видное место, а его образ был сакрализован и стал достоянием культурной и исторической памяти русских традиционалистов. В статье на материале авторских текстов Андрея Денисова прослеживаются его самоидентификация, а также способы формирования образа лидера крупного религиозного сообщества.

Выявляются приемы, использованные им для успешной коммуникации внутри сообщества, устанавливается их связь с барочной литературной культурой, в рамках которой развивалось ораторское и проповедническое творчество знаменитого старообрядца, направленное на утверждение религиозного учения.

Ключевые слова: старообрядцы, Выг, Андрей Денисов, литературная культура, позиционирование, имидж, риторические стратегии.

O.D. ZHURAVEL

SELF-IDENTIFICATION OF THE LEADER OF THE RELIGIOUS COMMUNITY IN THE WRITINGS OF ANDREI DENISOV

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, RF
Novosibirsk State University
1 Pirogova str., Novosibirsk, 630090, RF

The article deals with the methods of positioning and communicative strategies of the leader of the largest Old Believer's center in Vyg Andrei Denisov (1674–1730). The author focuses on the rich handwritten heritage of Andrei Denisov, which became part of the book culture of the Old Believers of a later time, and his image was sacralized. The Vyg founders succeeded in building their own cultural and ideological center inside the empire, a so called state of its own. The role of Andrei Denisov in this process was the most important. At the beginning of the 18th centuries Andrei Denisov was the ideological leader of Russian spiritual traditionalism, which opposes the tendencies of Westernization, which were characteristic of the Russian Empire. A unique literary culture of Vyg was born as early as the 18th century. It was based on ancient literary and spiritual traditions and the modern ideas of European Baroque. The genre of sermon showed its creative potential by appearing in new forms and using the Baroque rhetoric. A preacher of the Vyg Andrei Denisov aimed at creating exceptionally high quality sermons. Andrei Denisov, dealing with the problems of the *pustyn'* (hermitage) building, holding the debate and dealing with urgent everyday problems, found time to write a lot of sermons and messages as he fully realized the importance and effectiveness of the sermon word.

The article reconstructs self-identification and ways of forming the image of the leader of a large religious community, reveals the techniques used by Andrei Denisov for successful communication within the community, establishes their connection with the baroque literary culture. Experts in

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 28-09-00094а.

Ольга Дмитриевна Журавель – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: helgazhuravel@gmail.com.

Olga D. Zhuravel – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University.

the field of political image among other characteristics of a successful political leader called the “legend”. The “legend” of Andrei Denisov based on the eschatological theory of the “spiritual antichrist”, which has taken possession of the outside world, is being restored from the totality of his writings.

Key words: Old Believers, Vyg, Andrei Denisov, literary culture, positioning, image, rhetorical strategies.

Выговское старообрядческое общежитие, возникшее в 1694 г. на Русском Севере, в Поморье, на протяжении почти полутора столетий оставалось не только главным оплотом староверия, но и крупнейшим центром народной культуры [1]. Расцвет Выга в значительной степени связан с деятельностью Андрея Денисова (1674–1730) [2], которого можно признать вождем русского духовного традиционализма. После избрания его киновиархом в 1703 г. Выговское общежитие, созданное по образцу русских монастырей, становится, по сути дела, своеобразным «государством в государстве». «Основатели Выга осуществили беспрецедентный для России опыт построения почти утопического бытия одной отдельно взятой религиозной общины. Они на протяжении полутора столетий превращали в процветающее и многолюдное общежитие некогда убогие и скудные лесные чащобы Севера» [3, с. 491]. Уже к 1720-м гг. Выг становится экономически процветающим, крупным центром, окруженным скитами, где жили семьи крестьян, разделявших убеждения староверов-беспопцев.

Роль Андрея Денисова в обустройстве Выговской пустыни первых десятилетий XVIII в. трудно переоценить. Выговская утопия была воплощением аскетического идеала, она создавалась в условиях напряженных эсхатологических переживаний как «остров спасения в океане власти Антихриста» [4, р. 134]. Поэтому важнейшее значение Андрей Денисов придавал чистоте веры и соблюдению всех необходимых условий быта и внутреннего распорядка.

В семнадцатилетнем возрасте Андрей Денисов оставил семью и поселился в уединенном ските, участвовал в создании Выговской пустыни, а к 28 годам сумел завоевать такой авторитет у выговских старцев, что ему предложили место настоятеля. Уставные статьи, предложенные Андреем Денисовым, предполагали строгую иерархию и регламентацию всей жизни насельников Выга, что приближало этот устав к текстам сочинителей утопий [3, с. 496–497]. Большое внимание Андрей Денисов уделял и внешним связям, налаживая отношения со светской властью, с влиятельными людьми местности, где была расположена пустынь. Это было жизненно необходимо для существования центра, оппозиционного по отношению к правящей церкви: еще свежа была память о преследованиях и казнях первых защитников старого обряда, арестам подвергались брат Андрея Симеон Денисов, Даниил Викулин.

Весьма вероятна версия о личном знакомстве Андрея Денисова с Петром I, не раз приезжавшим в 1720-е гг. на Марциальные воды, а также близком общении с членами царской семьи, особенно с царицей Прасковьей Федоровной; он имел близкие контакты

с Г.В. де Геннином. Отношения со светскими властями в значительной степени основывались на экономических интересах: выговские насельники были приписаны к Олонецким горным заводам, кроме того, они слыли отменными рудознатцами, а Петр I умел ставить практическую пользу выше конфессиональных распрей. Необходимо отметить, что деятельность выговского лидера имела важное значение для всей последующей истории староверия. Его сочинения, созданные в рамках барочной риторической культуры, составили часть книжной культуры старообрядцев разных согласий, а личность была сакрализована уже следующим поколением защитников старого обряда.

Какие качества помогли Андрею Денисову стать столь успешным руководителем крупного центра и войти в историю оппозиционного религиозного движения? Безусловно, он обладал талантом организатора, большими познаниями не только в сфере догматики, но и практической жизни, экономики. Он рачительно заботился о благосостоянии пустыни, его многогранная кипучая деятельность охватывала все стороны жизни Выга. По сути дела, он был не только духовным, но и политическим лидером этого «государства в государстве».

Важно то, что довольно рано Андрей Денисов выдвинул прочно обоснованную концепцию создаваемого центра. Она выражена во множестве текстов, вышедших из-под его пера. Он является автором около 200 сочинений, написанных в разных жанрах [5, с. 88–128]. По словам С. Зеньковского, «в лице Андрея Денисова староверы обрели человека, способного выработать ясную и определенную доктрину и воспитать новые кадры фанатичных и упорных миссионеров» [6, с. 596]. Специалисты в области политической имиджологии среди прочих характеристик успешного политического лидера называют «легенду». Для появления легенды необходима демонстрация, как минимум, трех компонентов идеологии: политические цели, реальные дела и миссия, которая показывает, во имя чего ставятся и выполняются такие цели [7, с. 236–237]. Концепция Андрея Денисова была основана прежде всего на эсхатологической теории «духовного антихриста», завладевшего внешним миром. Модель выговской старообрядческой утопии спасения представляла собой, по сути, «трансцендентное духовное единство – взаимопроникновение жизни и религиозной веры» [6, с. 599]. В замысле создать этот центр противостояния губительным «новинам» правящей церкви, разрушившим былое единство веры и жизни, церкви и государства, С. Зеньковский видел некоторое подобие Civitas Dei, Града Божьего блаженного Августина.

В исследовании причин расцвета Выговской пустыни в первые десятилетия XVIII в. необходимо учитывать то уникальное значение, которое Андрей

Денисов и его сподвижники придавали слову. Обязательное слушание проповедей вменялось в обязанности выговцев уже в ранних уставных статьях Андрея Денисова, о которых шла речь выше. В периоды отсутствия киновиарха (Андрей Денисов совершал частые поездки в Москву, Петербург, другие города с целью получения книг или решения других дел, важных для пустыни) его послания зачитывались вслух, и слово Андрея Денисова продолжало звучать и сплачивать ряды выговцев.

Таким образом, послания и проповеди играли важнейшую коммуникативную функцию, обеспечивая связь духовного вождя Выга с собором и насельниками пустыни. Постепенно создавался имидж духовного вождя, который затем будет подвергаться мифологизации в агиобиографических текстах, написанных его последователями, в эсхатологических выговских видениях и сыграет значительную роль в формировании исторической памяти старообрядцев. Но у истоков легенды – образ, который транслировал сам Андрей Денисов в своих текстах, адресованных защитникам старого обряда. Возможно ли это, учитывая, что автобиографическим элементом и авторефлексии не было места в сочинениях автора начала XVIII в., созданных строго в соответствии с риторическими канонами эпохи?

Андрей Денисов писал в рамках барочной литературной культуры, создаваемой на Выге при его прямом участии. Принципы барочной словесности прослеживаются во всех сочинениях Андрея Денисова. Барочные же авторы активно использовали поэтику уподоблений [8, с. 435]: все факты и явления, попадавшие в поле зрения писателя, подвергались переосмыслению, будучи соотношенными с некими образцами. Двойное кодирование, свойственное и средневековой словесности [9, с. 436–437], обретало новые формы. Широкое распространение получила в эпоху барокко теория четырех смыслов Священного Писания, в которой главенствующее значение обретал «аллегорический сенс». Многие сочинения Андрея Денисова начинаются с цитаты, служившей своеобразным семантическим маркером, – фемы. Цитата из авторитетного текста, чаще всего из Библии, в маркированной позиции начала сочинения играла роль тематического ключа, связывая буквальный и духовный смысл, задавая определенную модальность текста. В текстах Андрея Денисова цитаты не только служат раскрытию основного содержания послания, но и работают на создание образа автора.

Необходимо учитывать и то, что барочная культура уже в XVII в. выработала особую концепцию автора (поэта, проповедника). Согласно этой концепции, сформировавшейся уже у поэтов-силлабиков, автор, создающий тексты, уподоблялся Богу, Творцу всего сущего [8, с. 176–177]. Эта концепция нашла отражение в творчестве многих барочных авторов, в том числе Симона Полоцкого. Протопоп Аввакум воспринимал подобные идеи враждебно, посвятив не одно высказывание обличению «риторов и философов». Одна-

ко представители второго поколения старообрядцев, и в первую очередь Андрей Денисов, продолжая духовные традиции учителей раннего раскола в сфере религиозного канона, тем не менее отделяли веру от культуры, восприняв многое из идей и практики барокко. Они поставили на службу собственным целям не только новые принципы писательского труда, но и способы полемической аргументации, созданные в лагере духовных противников, представителей правящей церкви [10].

Библейскими аллюзиями и цитатами переполнены сочинения Андрея Денисова, все события и персонажи ставятся в ассоциативный ряд с библейскими аналогами. Под его пером текущая действительность обретала статус бытия, символическому перекодированию подвергался весь «сырой» материал. Необходимо отметить, что Андрей Денисов, прекрасно знакомый с риторическими правилами и каноническими текстами, не был рабом буквы, он свободно владел мастерством проповедника, комбинируя разные риторические формы, создавая собственные синтетические структуры. Это относится и к его работе с цитатами.

Особенно важным местом в тексте является начало. Даже если в нем отсутствует фема, именно начало задает тему, настрой, определенную модальность. Началу посвящены целые главы барочных риторик. И если в начале послания звучали слова проповедника: «Кто даст главе моей воду, – с Божественным пророком Иеремием вопию, – и очима моима источник слез, да плачу день и ночь доспевшее на ны злочастное сие время...»¹, то слушатель воспринимал голос автора послания «в дуэте» с голосом пророка Иеремии.

Именно так начинается сочинение Андрея Денисова «О содержании староверства и о укоризне раскольникам». По сути дела, при помощи слов пророка автор легитимировал содержание полемического сочинения, где он пишет о важных обрядовых отступлениях правящей церкви. Его же собственная позиция отождествлялась с позицией пророка Иеремии. Как и в других своих текстах, проповедник и полемист достаточно вольно обращается с цитатой, адаптируя текст Библии к актуальным проблемам, волновавшим старообрядцев. В оригинале текст из книги пророка завершается словами: «я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего» (ср.: Иер 9:1). Андрей Денисов оплакивает «злочастное сие время» (тема «плачевного времени» – одна из ключевых в творчестве старообрядцев). В основной части этого сочинения, в изложении аргументации, также звучит голос пророка: «О них же благовременно с пророком вкратце рещи: «Дивен Бог во святых своих, Бог Израилев»². Слово пророка сопровождает слово старообрядческого автора.

Еще один прием, используемый Андреем Денисовым в начале послания, – апелляция к словам самого

¹ Библиотека Российской академии наук (БАН), собр. Дружинина, № 74. Л. 69 [11, с. 269].

² Там же.

Бога, услышанным пророком. «Слышите, возлюбленной мои, – рече Господь, – се пред вами дни скорбни, и от всех избавлю вас. Не бойтесь, не сумняйтесь, яко Бог водитель ваш есть. И иже воздержати заповеди и повеления моя, – рече Господь Бог, – да не отягчают вас грехи ваши, ни воздвигнутся беззакония ваша. Горе, иже стиснутся от грех своих и отягчатся от беззаконии своих», – у Ездры пророка Божия написано в 3 книгах, в главе 16» [12, с. 351]. Эффект воздействия на слушателей послания был обусловлен в первую очередь словами Всевышнего, подтвержденными затем ссылкой на пророка. Призыв руководителя Выга отказаться от грехов и ничего не бояться в страшное апокалиптическое время, поскольку они все уже прощены и приняты Богом-Отцом, обретал особую силу убеждения. Устами выговского лидера говорил, через посредничество пророка Ездры, сам Господь Бог.

Особенно многочисленны фемы, в которых используются цитаты из Псалтыри – одной из самых популярных и почитаемых в среде старообрядчества книг. Голос «царственного пророка», как неоднократно называет Давида-псалмопевца Андрей Денисов, настраивал и на определенную тему, содержащуюся в том или ином псалме. Тексты псалмов были хорошо известны слушателям, содержание сочинения обогащалось за счет отсылок к текстам псалмов, а интонации автора обретали новый тембр благодаря подключению голоса пророка Давида. «Кто есть человек, – возглашающе пророку, – иже поживет и не узрит смерти?» (Пс 88: 49) – так начинается Слово надгробное Петру Прокопьеву. В нем Андрей Денисов не только рассказывает о жизни и кончине одного из видных деятелей пустыни, но и создает первую историю по-морского согласия, а попутно – собственную концепцию старообрядческого сообщества как духовной семьи, где смерть не означает окончательной разлуки.

Цитатой из Псалтыри открываются и другие сочинения выговского проповедника. Например, акцентируется тема врагов и защиты от них в посланиях, где сообщалось об аресте, заключении и последующей судьбе Симеона Денисова (Пс 36: 14–15) [13, с. 94]. «Послание на Выг» начинается словами из Псалтыри «Аз же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретнице и смирях постом душу мою, и молитва моя в недра моя возвратится» (Пс 34: 13) [13, с. 98], а «Послание выговцам по поводу заточения Данилы Викулина» открывается цитатой «Ядый хлеб мой возвеличил есть на мя леств» (Пс 40) [13, с. 154]³.

Слова псалмопевца включались и в состав авторского высказывания в основной части сочинения. «Понеже убо ваше боголюбное сословие возжелесте церковлюбным усердием украсити всежеланныи Спаса Христа образ <...>, яко и с пророком вам соревноватно глаголати: «Господи, возлюбих благолепие дому твоего» (Пс 25: 8) (курсив мой. – О. Ж.). Андрей Денисов обращается здесь с праздничным поздравле-

нием в честь Преображения к насельникам Боровского скита, соединив свой голос с голосом пророка Давида [13, с. 210].

Цитаты из Евангелия в сочинениях Андрея Денисова встречаются намного реже. Так, например, Послание Петру Прокопьеву и Соломонии Денисовой, сестре Андрея, предваряется фемой: «В мире скорбь имети будете, о мне возвеселитесь» (Ин 16: 33) [13, с. 104]. Проповедническое «Слово о покаянии» содержит фему из Евангелия «Покаитесь, приближи бо ся Царство Небесное» (Мф 3: 2; 4: 17) [13, с. 362]. Благодарственное послание на Выг по случаю освобождения Семена Денисова начинается словами «самого Христа» о возмездии: «Бог же не имать ли сотворити отмщение избранных своих, вопиющих к нему день и ночь, и долготерпит о них? Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре» (Лк 18: 7–8) [13, с. 140]. И все же Новый Завет, в частности, Евангелия, цитируется намного реже, практически в единичных случаях. Обращение к словам пророков имеет более регулярный характер. Отметим, что это вполне соответствует характеру цитирования в сочинениях Андрея Денисова в целом, безотносительно к позиционированию автора. В них, как и в проповедях южнорусских гомилетов, преобладают отсылки к Ветхому Завету. Так, например, в «Слове о человеке» 18 цитат из Ветхого и 12 из Нового Завета [12, с. 148–149].

Позиционирование Андрея Денисова, ориентированное на высочайшие сакральные образцы, имело традицию в истории старообрядчества. Его знаменитый предшественник протопоп Аввакум создал собственный образ, используя обширный круг библейских реминисценций. Исследователи писали об уподоблении Аввакумом самого себя Христу, по-разному интерпретируя этот факт [14, с. 70–83; 15, с. 184–200]. Наиболее убедительным представляется рассмотрение позиции Аввакума в контексте апостолических, особенно паулианских текстов. Так, Н.М. Герасимова, анализируя цитаты и реминисценции «Жития» протопопы, сделала вывод о том, что представление Аввакума о собственном избранничестве основано на аналогиях с апостолом Павлом [16, с. 63]. А.И. Клибанов выявил в корпусе сочинений Аввакума до 170 обращений к Посланиям апостола Павла и обосновал этот феномен, сопоставляя личность и идеи Аввакума, выраженные в его произведениях, с учением апостола [17, с. 25].

Использование библейских тематических ключей в текстах Андрея Денисова позволило создать не только собственный образ в соотношении с высокими образцами. Имидж лидера всегда формируется при участии обеих сторон коммуникации. Адресаты слов и посланий Андрея Денисова также переосмыслились сквозь призму символов Священного Писания, обретая убедительность мифопоэтических образов. Барочное слово, адресованное слушателям (а проповеди и послания зачитывались прежде всего), основано на конвенции, предполагавшей условность. Слушатели послания включались в коммуникацию,

³ Ср. также: [13, с. 223, 243, 260].

основанную на знаковой системе «двойного кодирования». «...Вам глаголю, воином Царя царем и Господа господем, всякаго чина, возраста же и служения... различными единого пути служения в пресветлейшии Матере градовом, во всекраснейшую митрополию, во сладчайшии небеснии Иерусалим, в вечную утеху, в нескончаемый прохлад, в клеветство пресветлых аггел, в соседство всекрасных жителей небесных: zde обнищавшим, тамо обогащающимся, zde смирившимся, тамо прославляющимся, zde служащим, тамо воцаряющимся...», – пишет Андрей Денисов в «Послании на Выг из Петербурга» [13, с. 132–133]. Выговцы в этом послании предстают как воины Христа, которые, преодолевая земные страдания, вершат шествие в Небесный Иерусалим.

В этом, как и в других сочинениях Андрея Денисова, создается обобщенный образ выговцев: по сути дела, они и воплощают собой Выговскую пустынь, т. е. Церковь, которая, согласно Иоанну Златоусту, есть «не стены и покровы, а вера и житие». Далее мысль проповедника вполне логично (хотя миф не поддается логике) идентифицирует Церковь и апокалиптическую Жену, облеченную в Солнце (Откр. 12). Индивидуальность каждого отдельного насельника становится неактуальной, она теряется в этом лучезарном образе Жены из Откровения Иоанна Богослова, которая в других текстах Андрея Денисова отождествляется с Церковью-Невестой Христа. Старообрядцы позиционируются в аспекте экклезиологии как персонифицированное целое, которое стремится воссоединиться с Христом. Этикетное обращение к слушателям послания является одновременно обращением к Церкви: «Всекраснейшия солнцелобченныя жены, возлюбленныя пресветлейшаго Жениха Невесты, сладчайшыя матере нашае православыя Церкви <...> Вам, благочестному сословию, пасущим и пасомым, тако общне, яко особне живущим, людем христоименитым о Христе Исусе вечней надежде радоватися!» [13, с. 117–118].

Обращаясь к пустынножителям, Андрей Денисов часто называет их путешественниками, странниками, путниками. Мотив непрерывного пути – одна из составляющих темы пустынножительства. Адресаты его посланий находятся в постоянном, непрерывном движении, в ходе которого они не только сопротивляются губительному влиянию апокалиптической эпохи (именуемой Андреем Денисовым «вском»), но и приближаются к конечной цели пути – к Небесному Иерусалиму, своим духовным подвигом создавая особое сакральное пространство, островок спасения в «каменистой пустыне». Более того, в посланиях они даже именуется «Гражданами Небесного Иерусалима».

Как и в древнерусских хождениях в Святую Землю, в сочинениях Андрея Денисова путь к небесным обителям сопряжен с опасностями, что метафорически выражено в описаниях сурового дикого пейзажа. Это «путь, тернием и острым камением постланый, путь, ратей и страстей изнаполненный, – отсюда змиизяюще, отонюду звери пожирающе, отгинуду раз-

бойницы разбивающе, отсюду наветницы бесчинующе, идеже татие подковыпающе, идеже пленующи пленяюще и невнимающыя в темная адская жилища заносяще» [12, с. 207]. Описывая картины страшного «века», автор преисполняется пророческим пафосом, уподобляясь пророку Моисею, ведущему свой народ через пустыню.

Таким образом, тексты Андрея Денисова, слушание которых входило в обязательный круг обязанностей пустынножителей, транслировали идеи религиозного лидера, которые были оформлены в соответствии с эстетическими требованиями барочных риторик. Авторское «я» представало в обрамлении цитат, почерпнутых из Священного Писания, в большей части из книг пророков и Псалтыри. Голос проповедника обретал особую силу и значимость в резонансе с сакральными источниками, самоидентификация лидера религиозного сообщества формировалась при помощи высоких авторитетов священных текстов. Наиболее часто использовались цитаты из Псалтыри и книг пророков, именно они придавали словам киновиарха весомость непререкаемых Божественных глаголов. Слово проповедника по своей значимости можно сравнить со словом поэта, как его понимали теоретики барокко, приравнивающие поэтическое слово к Логосу.

Важным элементом сакрализации слова проповедника было и кодирование, которому подвергался обобщенный образ адресатов, насельников Выга. «Воины Христа», совершавшие неустанный путь в небесные чертоги, соединялись в целостный персонифицированный образ Церкви, которая в условиях эсхатологической угрозы представляла как «Жена, облеченная в Солнце». Так, при помощи системы двойного кодирования выстраивался проповеднический дискурс, главной целью которого была пропаганда учения, признанного его идеологами единственно верным. Условием реализации учения и воплощения его в жизнь было создание образа лидера. Самоидентификация Андрея Денисова как духовного вождя религиозного сообщества легла в основу его последующей сакрализации, формируя анналы исторической памяти русских традиционалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь // Духовная жизнь и литература: в 2 т. М., 2002. Т. 1. 544 с.
2. Поньрко Н.В. Андрей Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин». 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 78–81.
3. Выгорецкий Чиновник: в 2 т. СПб., 2008. Т. 2: Маркелов Г.В. Выгорецкий Чиновник: Тексты и исследования. 556 с.
4. Crummey Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee and London, 1970. 258 p.
5. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912. С. 88–128.
6. Зеньковский С.А. Идеологический мир братьев Денисовых // Русское старообрядчество: в 2 т. М., 2009. Т. 1–2. 688 с.

7. Загайнов А.В. Понятие имиджа политического лидера: сущность и подходы к определению // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2007. Т. 149, кн. 3: Гуманитарные науки. С. 227–240.

8. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 280 с.

9. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*: Литература и язык. М., 2003. С. 431–473.

10. Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 230 с.

11. Описание Рукописного отдела Библиотеки РАН. СПб., 2001. Т. 7, вып. 2: Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н.Ю. Бубнов. 448 с.

12. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.

13. Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.

14. Хант П. Самооправдание протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 70–83.

15. Плюханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 184–200.

16. Герасимова Н.М. Поэтика «Жития» протопопа Аввакума. СПб., 1993. 88 с.

17. Клибанов А.И. Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. М., 1994. С. 12–43.

REFERENCES

1. Yukhimenko E.M. Old Believers' Desert of Vyg. *Spiritual life and literature*: in 2 vols. Moscow, 2002, vol. 1, 544 p. (In Russ.)

2. Ponyrko N.V. Andrei Denisov Vtorushin. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg: Publishing house "Dmitriy Bulanin", 1992, iss. 3 (XVII century), pt. 1, pp. 78–81. (In Russ.)

3. Vygoretskiy Chinovnik: in 2 vols. St. Petersburg, 2008, vol. 2: Markelov G.V. Vygoretsky Chinovnik: Texts and studies. 556 p. (In Russ.)

4. Crumme R.O. The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee and London, 1970, 258 p.

5. Druzhinin V.G. Writings of Russian Old Believers: A list of manuscripts compiled from printed manuscript descriptions. St. Petersburg, 1912, pp. 88–128. (In Russ.)

6. Zenkovsky S.A. The ideological world of the Denisov brothers. *Russkoye staroobryadchestvo*: in 2 vols. Moscow, 2009, vol. 1–2, 688 p. (In Russ.)

7. Zagainov A.V. The concept of the political leader's image: essence and approaches to the definition. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007, vol. 149, bk. 3: Gumanitarnyye nauki, pp. 227–240. (In Russ.)

8. Panchenko A.M. Russian verse culture of the XVII century. Leningrad: Science, Leningrad Branch, 1973, 280 p. (In Russ.)

9. Picchio R. The function of biblical thematic keys in the literary code of Orthodox Slavdom. Pikkio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk*. Moscow, 2003, pp. 431–473. (In Russ.)

10. Guryanova N.S. Handwritten collections and the figuration of the ideology of the Old Believer movement. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2017, 230 p. (In Russ.)

11. Description of the Manuscript Division of the Library of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2001, vol. 7, s. 2: Compositions of Old Believer writers of the first half of the XVIII century. Comp. N.Yu. Bubnov, 448 p. (In Russ.)

12. Zhuravel O.D. Literary creativity of the Old Believers XVIII – early XXI centuries: themes, problems, poetics. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2012, 442 p. (In Russ.)

13. Yukhimenko E.M. Literary heritage of the Old Believers community of Vyg: in 2 vols. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008, vol. 1, 688 p. (In Russ.)

14. Hunt P. Self-justification of Archpriest Avvakum. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1977, vol. 32, pp. 70–83. (In Russ.)

15. Plyukhanova M.B. On some features of personal consciousness in Russia XVII century. *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya*. Moscow, 1982, pp. 184–200. (In Russ.)

16. Gerasimova N.M. Poetics of "Zhitiye" of Archpriest Avvakum. St. Petersburg, 1993, 88 p. (In Russ.)

17. Klivanov A.I. Protoper Avvakum and the Apostle Paul. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)*. *Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1994, pp. 12–43. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.07.2018